

➔• ЛЮБИМЫЕ ПИСАТЕЛИ – ДЕТЯМ •➔

ЭЛИЗАБЕТ МИД-СМИТ

**ПОЛЛИ –
НОВОМОДНАЯ
ДЕВОЧКА**

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЮЛИИ ПОПОВОЙ

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2026

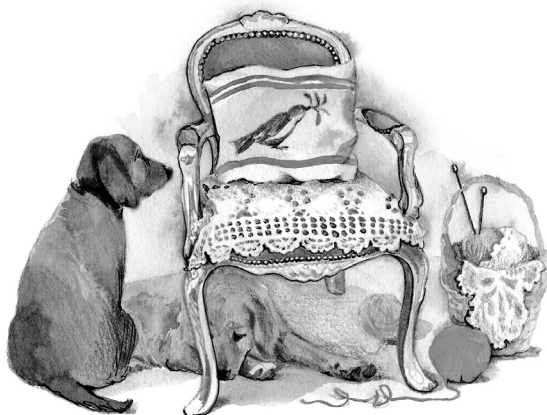

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I БОЛЬШАЯ БЕДА

СТОЯЛ ЖАРКИЙ ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ. НА ВЫСОКОМ голубом небосводе не видно было ни облачка. Деревья, цветы, трава — все замерло в неподвижности, не колеблемое ни малейшим дуновением ветерка. Казалось, весь мир окутала оцепенелая, горячая, томная дрема. Даже цветы измученно склоняли свои головки, а птицы перестали петь и забились в самые прохладные укромные уголки под тенью высоких деревьев. Рассевшись по веткам, они рассказывали друг дружке, какая славная стоит погода, — ведь они любят тепло, пусть даже и ленятся петь в такую жару.

Вокруг простиралась равнина, открытая всем ветрам. Тут и там виднелись купы деревьев, небольшие рощицы,

прячущие в своих недрах прохладную тень, а бессчетные акры открытого пространства нещадно жгло солнце. Равнина заросла вереском, который еще не успел расцвести, и папоротником-орляком, который уже сменил зеленый наряд на осеннее желто-красное великолепие. Ни вереск, ни папоротник ничего не имели против июльской жары, в отличие от бабочек — крылатые создания находили солнечный свет слишком ярким и неприятным и порхали под деревьями, сожалея, что некогда шумный бурливый ручеек иссяк и превратился в пересохшую окаменевшую канаву, к которой не подлетали даже стрекозы.

На другом берегу ручья возвышалась живая изгородь из шиповника и кустов боярышника, вдоль которой до самой проволочной ограды тянулся ров, а за ней — довольно большой огород.

С верхушек деревьев — если бы у кого-нибудь достало сил туда взобраться или нашлась бы птица, достаточно любопытная, чтобы бросить зоркий взгляд в том направлении, — можно было разглядеть дымок, столбом поднимавшийся в воздух из кухонных труб квадратного серого особняка.

Дом этот с изящным крылечком почти полностью был укрыт зеленью, вьющейся по стенам. На безопасном расстоянии от распахнутой двери бродили голуби, а под широким карнизом в тени дремали несколько собак. Перед домом был разбит цветник. Были там и широкая, усыпанная гравием дорожка, и теннисный корт, и площадка для крокета, и беседка, увитая розами, и даже огромный тент, манящий прохладой. Но для человеческого жилища это место выглядело слишком уж безлюдным. Томно вор-

ковали голуби; псы позевывали и изредка лениво отгоняли назойливых мух. Но никто не бил ракеткой по мячу, не брался за крокетные молотки, не любовался розами у беседки и не прятался от солнца под тентом. Усадьба казалась вымершей, несмотря на то, что над кухней вился дымок. Какой-нибудь бродяга или бездомный мог бы войти в открытую дверь дома, если б ее не охраняли ленивые собаки.

Однако вдруг у изгороди, с другой стороны огорода, послышался треск ветки, шорох платья и нетерпеливый возглас. И если бы кто-нибудь подобрался поближе, то увидел бы лежащую в траве высокую стройную, угловатую девочку, с темными глазами, румяными щеками и спутанными курчавыми непокорными локонами. Она осторожно ползла в траве, подняв руку. В душистой изгороди из боярышника и шиповника нашли себе укрытие несколько птиц. Они беспечно щебетали, чистили перышки, но, стоило девочке задеть сухую веточку, — смолкли и встревоженно замерли. Ни одна из них не заметила охотницу, скрывавшуюся в траве. В наступившей тишине птицы принялись вновь щебетать, а девочка тем временем сделала еще одно почти незаметное движение вперед. На этот раз она не потревожила даже листика, и ничто не прервало птичьего гомона. Теперь она была уже близко, совсем близко к соблазнительной зеленой ветке, на которой восседали два взрослых красивых дрозда. Они не пели, а вели между собой нежную беседу: сидя рядышком, они обменивались поцелуями — легкими ударами клюва, которые много значат в птичьей жизни.

Девочка почувствовала, как колотится от волнения ее сердце, — ведь птицы сидели так близко, она даже могла разглядеть, как блестят их глазки, как дрожат их грудки, когда они щебечут... Глаза девочки тоже блестели — от азарта. Оказавшись под веткой с дроздами, она резко вскочила и ловким движением мягко сжала птиц в ладонях. Дело было сделано, маленькие узники попались. Девочка рассмеялась низким восторженным смехом и, сидя в траве, стала осторожно гладить и ласкать своих пленников, воркуя, словно разговаривала с ними, и пытаясь уговорить перепуганных крошек поцеловать ее в изящно очерченные розовые губы.

— Полли! Где Птичка Полли? Пол! Пол! Пол! — раздался вдруг хор голосов. — Пол, тебя ждут в доме сию же минуту! Куда ты спряталась? Иди в дом сейчас же! Птичка Полли! Где же ты, Полли?

— Вот досада! — негромко, себе под нос воскликнула девочка. — Что ж, милые мои, придется вас отпустить. А ведь я никогда еще не держала в руках сразу двух пташек! Вот так всегда! Каждый раз меня прерывают, как только я чем-то наслаждаюсь. Прощайте, крошки! И будьте счастливы, да благословит вас Господь!

Она послала воздушный поцелуй дроздам, явно обрадовавшимся обретенной свободе, и поднялась на ноги — долговязая, нескладная, взьерошенная. В волосах у нее застряли травинки и веточки, выцветшее застиранное платье было измято и покрыто пятнами.

— Ну, и чего вы хотите, негодники? Неужели нельзя оставить меня в покое?

— Ох, Полли!

Две невысокие фигурки появились на гравийной дорожке по ту сторону изгороди. Малыши разругались и запыхались от быстрого бега; оба были без шляп.

— Полли, ты должна пойти домой! Хелен так сказала. Родился ребеночек. Полли, Птичка Полли, тебе лучше пойти в дом прямо сейчас, там только что родился ребеночек!

— *Что?!*

Девочка перепрыгнула ограждение, опустилась на колени перед взволнованными, тяжело дышащими братишками и заключила их в горячие объятия.

— Ребеночек?! Неужели это правда, Банни? Неужели это правда, Боб? Настоящий живой малыш? Не кукла? Ребеночек, который кричит и морщит личико! О боже! Вот это да! Но этого не может быть! Ты вечно выдумываешь, Банни!

— Не на этот раз, — ответил Банни. — Скажи же ей, Боб, тебе она точно поверит. Я сам слышал, как он вопит, честное слово! А потом пришла Хелен и велела привести Полли. Хелен плакала, не знаю отчего, и сказала, что ты должна прийти сию же минуту. Почему она плакала, Птичка? Что-то случилось?

— Нет, — ответила Полли, — но вы должны были сразу сказать мне, что Хелен плачет. Хелен никогда не плачет, если только не случается что-то совершенно ужасное. Мальчики, побудьте пока в саду. Можете объедаться крыжовником, если хотите, но к дому близко не подходите. И чтобы ни звука, понятно? Родился ребеночек — а Хелен плачет! Но мама... Да, я спрошу у мамы, что это может значить!

Природа наградила Полли длинными ногами, и они быстро понесли девочку к дому. Когда она подбежала к крыльцу, собаки лениво поднялись с земли — поприветствовать ее. Их тут собралось семь или восемь, и, окружив девочку, они путались у нее под ногами, мешая зайти в дом.

— И чтобы никто не гавкал, — сурово приказала Полли. — Лежать! Спите давайте. Если хоть одна из вас подаст голос — немедленно выйду и накажу. Ох, Элис, что случилось? В чем дело?

Последние слова относились к горничной, в этот момент появившейся в широком квадратном холле.

— Да что такое, Элис?! Что не так?! Родился новый ребеночек, и я очень этому радуюсь. Но почему плачет Хелен, и... ох, что это значит, Элис? Ты тоже плачешь...

— Случилось... Мисс Полли, у меня язык не поворачивается. — Девушка закрыла лицо передником и рыдалась. — Мы не знали, где вы, мисс... это... это... Мы вас повсюду искали, мисс. Почему, мисс Полли, вы так побледнели? Не волнуйтесь так сильно, мисс Полли, дорогая...

— Ни слова больше, Элис, — выдохнула Полли, опускаясь в садовое кресло. — Я не собираюсь падать в обморок или делать еще что-нибудь столь же глупое. И плакать тоже. Где Хелен? Если случилось что-то плохое, она мне сама расскажет. Ох, ну хватит так отвратительно хлюпать носом, Элис, ты меня ужасно раздражаешь!

Элис выбежала в открытую дверь, и до Полли донеслись рыдания служанки и ее сбивчивое бормотание, обращенное к собакам. Больше ничего не было слышно.

Полли — новомодная девочка

Напряженная тишина в доме оглушала и одновременно успокаивала испуганную девочку. Полли встала и медленно пошла по лестнице.

— Полли, — сказала ее сестра Хелен, — наконец-то ты пришла. Где ты была?.. Ох, бедная Полли!

— Где мама? — спросила Полли. — Я хочу с ней поговорить... *Пусти* меня к ней. Пусти сейчас же, Нелл.

— Ох, Полли...

И Хелен разрыдалась, громко, надрывно и мучительно. У них появилась еще одна сестра... и не стало мамы.

ГЛАВА II

ВСЕ, ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ОБ ЭТОЙ СЕМЬЕ

У ДОКТОРА МЭЙБРАЙТА БЫЛО ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ и самая красивая, самая обаятельная жена во всей округе. Практика его была весьма солидной, его любили пациенты, а деревенские жители и вовсе относились к нему с обожанием, поскольку уже несколько поколений Мэйбрайтов жили по соседству с маленькой деревушкой Тирсли Дейл. Отец доктора Мэйбрайта лечил отцов и матерей этих селян, как и его отец до него, и делали они это со всей добросовестностью. Неудивительно поэтому, что простые жители старинной деревеньки, затерянной на границе одного из наших великих южных болот, искренне полагали, что из всех людей на земле только Мэйбрайты владеют искусством врачевания.

Уже три или четыре поколения Мэйбрайтов жили в Сонной Лощине — так назывался этот серый квадратный особняк с большим огородом, приютившийся в тени рощицы, в окружении заботливо высаженных цветов и лужаек для игр и отдыха. Здесь, в старой детской, Полли когда-то впервые открыла свои темные глаза; в этом доме счастливо жили все восемь отпрысков доктора Мэйбрайта, наслаждаясь самым безмятежным на свете детством. Все они были веселы и отважны, и при этом в каждом была своя изюминка. Среди детей Полли была больше всех склонна к шалостям и проказам, но мать умела быстро гасить вспышки непослушания, свойственные девочке. Миссис Мэйбрайт никогда не проявляла гнев, не позволяла себе задевать чувствительную детскую душу, но неизменно умирляла порывы Полли своей твердой, но нежной рукой.

Мама была душой всего их большого дома. Моложавая, несмотря на обилие детей, красивая и веселая, обожавшая пикники и праздники, она ликовала, когда видела любовь, даже самые маленькие успехи своих детей. Она была их лучшим товарищем по играм. Мама никогда не сидела без дела, но казалось, труд дается ей играючи. Миссис Мэйбрайт сумела завоевать доверие своих детей. Она читала в их душах как в раскрытых книгах, знала подход к каждому и держала дом в шелково-ежовых рукавицах.

Доктор Мэйбрайт был намного старше своей жены. Это был высокий, широкоплечий, видный мужчина, с пронзительным и добрым лицом. Его обширная практика простиралась на многие мили, и хотя он не обладал опытом, который могла бы дать жизнь в городе, он был очень хорошим врачом, и коллеги предрекали ему большое будущее. Док-

тора Мэйбрайта часто целыми днями не было дома. Иногда и глубокой ночью дети слышали за окнами стук колес его экипажа, спешащего к кому-то на помощь. Отец всегда казался Полли кем-то вроде исцеляющего ангела, являющегося повсюду и спасающего от болезней и даже от смерти. «Папа не даст Джози Уилсон умереть», — так говорила девочка, или: «Сегодня у Питера Симпкина ужасно болят зубы, но, когда папа к нему приедет, все пройдет».

Своего отца Полли глубоко почитала, но красивую молодую маму любила больше. Детям и в голову не приходило, что доктор Мэйбрайт может играть с ними, сочувствовать их бедам или радоваться их успехам. Они относились к нему с благоговением, они любили отца, но он был слишком занятым и недостижимым существом в их понимании, чтобы воспринимать их детские беды всерьез. С мамой было иначе: она была неотъемлемой частью их жизни.

У четы Мэйбрайт было шесть дочерей — все как на подбор высокие, худые, угловатые, с длинными руками и ногами, торчащими из-под платьев, — и двое пухленьких сыновей. Они озорничали и не признавали ничьего авторитета, кроме матери. Полли в этом отношении не отставала от братьев, зато остальные пять девочек являли собой воплощенное послушание по сравнению с сорванцами Чарли и Джоном, которых все называли не иначе как Банни и Боб.

Такой была семья Мэйбрайтов. Наиболее утонченные из соседей относились к ним с опаской, и даже сельские жители отзывались о большей части семьи как о дикарях, но миссис Мэйбрайт только улыбалась, когда нелестные отзывы о ее детях доходили до ее ушей.